М. Ю. Люстров

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ Э. ЛИЛЛИЕМАРКА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В XVII – первой половине XVIII столетия о литературе «соседственного государства» и в Швеции, и в России знали крайне мало; больше того, в представлении шведского автора начала XVII в. одним из доказательств варварства русских являлось отсутствие у них литературы [1]. Вместе с тем военные, политические, культурные взаимоотношения России и Швеции в конце XVII – первой четверти XVIII в. вызывали к жизни некоторые специфические литературные явления, вне всякого сомнения, подтверждающие существование в это время шведско-русских литературных связей. Так, на рубеже XVII–XVIII вв. возникла «шведская поэзия на русском языке».

В настоящее время известны стихотворные произведения знаменитого шведского лингвиста, автора словаря «Lexicon Slavonicum» Й. Г. Спарвенфельда, написанные им в 1684, 1697 и 1704 гг., а также обнаруженное нами в библиотеке университета Упсалы напечатанное в 1715 г. стихотворение некоего E. L.

Последнее сочинение входит в состав издания, посвященного бракосочетанию принца Гессен-Гассельского Фридриха и сестры Карла XII, шведской принцессы (а с 1718 по 1720 г. королевы) Ульрики-Элеоноры и включающего три стихотворения одного автора. Открывает сборник «Радостная песня» по случаю «высокорадостного бракосочетания», за ним следует «Нижайшее пожелание счастья, кратко с русского переведенное на шведский», представленное русским оригиналом и шведским переводом. Стихотворение на русском языке, подобно напечатанным русским текстам Спарвенфельда, набрано латиницей:

W` wysokom sem supruzestwe
Z` Nebesa zelajem
Wam wsaeko blagopoluczie
I` was obych blazajem
Wo serdse Dodrodjeteli
Jako Bizer sijaut
Wysokie Roditeli
Tu slavu umnozajut
I jako welikoduschie
WAM obym jest sobstvenno
My wsi zdes suszié
Prosim unizhenno
Wysokoi waschei milosti
Da by sochranili
Nas ot wsaekoi propasti
I my b` pokoino zili [2]

Примерно половина стихов этого текста написана 3-стопным ямбом с дактилическими и женскими окончаниями, и, таким образом, стихотворение E. L. относится к разряду «первых силлабо-тонических экспериментов» авторов европейцев, писавших по-русски: переводчика «Артаксерксова действа», Й. Г. Спарвенфельда, Э. Глюка и И. В. Пауса При этом русское стихотворение шведского автора принадлежит шведской поэтической традиции: перекрестная рифма встречается в шведских, но не в русских стихотворениях XVII – начала XVIII в.[4], а название панегирика «Нижайшее пожелание счастья» («En underdånig Luck-önskan») как перевод с русского не представлено и является типичным для произведений шведской панегирической поэзии XVII – начала XVIII в. (например, «Нижайшее пожелание счастья великодержавнейшему Королю и Господину Карлу Двенадцатому» (1698) К. Г. Шеблада (Siöblad) или «Пожелание счастья» (1713 г.) Ю. Руниуса (Runius)).

В свою очередь шведский «краткий перевод» представляет собой семистишие (aabccbb), написан правильным 4-стопным хореем и, таким образом, связан со стихотворением на русском языке лишь общей темой В русском подстрочном переводе шведский «краткий перевод» выглядит следующим образом:

Высокая Пара, Украшенная всеми Добродетелями,
Мы Вам желаем много Счастья

От ласкового Неба
И чтобы нежность, которая Вас питает,
Могла постоянно светить нам,
Чтобы мы могли в добром мире
Восхвалять Вас все время

При том, что оригиналом объявлен русский, а переводом – шведский текст, «пожелание счастья» новобрачным в нем исходит от неких «нас». Можно предположить, что подобно издавшему в 1697 г. «Плачевную речь» на погребение короля Карла XI Й. Г. Спарвенфельду автор «En underdånig Luck-önskan» подразумевал русскоговорящее население Швеции и связывал свое стихотворение с текущим политическим моментом. Однако в самом стихотворении какие-либо указания на этот счет отсутствуют, а популярная в шведской поэзии 10-х гг. XVIII в. тема «приятнейшего мира»[6] («Яркое Солнце возвращается из мрака темной Луны» О. Линдштейна) находит отражение лишь в стихотворении на шведском языке и появление «русского» сочинения не мотивирует. Скорее всего, издание стихотворного поздравления на русском языке объясняется лишь знакомством автора с этим иностранным языком. Вероятно, по этой же причине в переведенной Й. Г. Спарвенфельдом книге испанского дипломата Диего Сааведры Фахардо «Corona Gothica», повествующей о деяниях «вестготских королей», встречаются фрагменты на русском языке: перевод Спарвенфельда начинается с выдержки из Послания апостола Павла Римлянам (гл. 1, ст. 14) на греческом языке и ее «славянороссийского» перевода («Еллныем же и варварем мудым же и неразумetелным должен есмь»[7]).

В Швеции начала XVIII в. было не так много людей, способных сочинить стихотворение на русском языке, и их имена хорошо известны. По всей видимости, автором поздравления 1715 г. был Энок Лиллиемарк (1660–1736), участник шведского посольства в Москве в 1684 г., в конце XVII в. переводчик губернатора Ингерманландии, а в 1701–1703 гг. личный переводчик Карла XII[8]. В 1705 г. Лиллиемарк вместе с Юханом Шмедеманом (Schmedeman) занимался дешифровкой писем русских военнопленных (эту службу Лиллиемарк описывает в своих записках 1730 г.[9]) и, в отличие от Спарвенфельда не

смог (или не пожелал) построить с ними отношения: в тех же записках говорится, что от русских он «получал большие дары, состоящие, по большей части, из дерзких слов и покушений на жизнь» [10]; в свою очередь Лиллиемарку принадлежит «Краткий анализ русских интриг по поводу различных трактатов» (1708), а в самом начале Северной войны, сразу после Нарвского сражения в 1700 г., он был первым, кто написал об обычае русских военачальников пить кровь пленных врагов. О шведском фэнрике Симоне Даниеле Бароне в номере нарвской газеты от 9 декабря 1700 г. рассказывалось, что он «был захвачен в плен, мучим, пытан огнем для того, чтобы он описал положение дел в крепости» [11]. Лиллиемарк же дополняет этот рассказ следующим замечанием: «да, это слишком ужасно; затем генерал Бутурлин ударил его в лицо и кровь, сопровождая все это варварскими словами, варварским же образом поглотил» [12].

К моменту издания стихотворений, в 1715 г., Лиллиемарк с русскими уже не общался, служил в Государственном архиве, и, таким образом, его панегирик является стихотворным подношением верноподданного чиновника.

ПРИМЕЧАНИЯ

Tarkiainen K. «Vår gamble arffiende ryssen»: synen på Ryssland i Sverige 1595–1621 och andra studier kring den svenska Rysslandsbilden från tidigare stormaktstid. Uppsala, 1974. S. 43.

[2] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmskiöld collection, 15

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000. С. 34.

[4] В русской поэзии начала XVIII в. перекрестная рифма встречается в стихотворениях Феофана Прокоповича, использовавшего, кроме того, октавы и «сложные строфы с разной системой рифмовки» (*Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 119).

Выбор шведским поэтом именно этих размеров объясняется тем обстоятельством, что 3-стопный ямб и 4-стопный хорей «объединялись в сознании XVIII в., ...в западноевропейской поэзии аналоги их были обычны в песенной поэзии (3-стопный ямб преимущественно в светской песне, 4-стопный хорей также в духовной») (*Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха... С. 68). Таким образом, подтвержда-

ется намерение автора написать «русское» стихотворение 3-стопным ямбом.

[6] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1125.

[7] Corona Gothica Saavedriana en majus historia gothica Lumen Annexa a J. G. Sparfwenfeldt // ОР Библиотеки университета Упсалы. H. 286.

[8] J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia, 1684–87 (editor Ulla Birgegard). Stockholm, 2002. P. 325.

[9] *Almquist H.* Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland 1700–1709. Karolinska forbundets ersbok. Stockholm, 1942. S. 50.

[10] Ibid. S. 51.

[11] Ibid. S. 75.

[12] Ibid.